ИИ и цифровые активы в архитектуре денег

Бурный рост финансовых технологий в начале 2020-х перестал быть исключительно историей стартапов и переоцененных мультипликаторов: сегодня это эмпирическая лаборатория, в которой в реальном времени проверяются модели финансовой инклюзии, регулирования искусственного интеллекта, токенизации активов и перераспределения власти между банками, платформами и государством. Понимание того, как именно устроены эти процессы, какие технологии действительно меняют структуру рынков, а какие остаются риторикой, дает возможность одновременно наблюдать трансформацию финансовой инфраструктуры и проверять на практике теоретические представления об институтах, рисках и цифровом суверенитете.

Глобальный сектор финансовых технологий к середине 2020-х вышел из фазы коррекции и перешел к устойчивому росту, при этом усилилось расслоение между крупными и малыми игроками, усложнилось регулирование и резко возросло значение решений на основе искусственного интеллекта и цифровых активов. Финансовые технологии перестают быть периферией банковской системы и становятся самостоятельным инфраструктурным слоем мировой финансовой архитектуры.

По оценке Boston Consulting Group, совокупная выручка компаний в сфере финансовых технологий в 2025 году превысила 500 млрд долларов, а годовой прирост достиг 22%, почти в четыре раза превысив темпы роста традиционных банков и страховщиков. На долю таких компаний приходится около 4 процентов глобальной выручки финансового сектора, то есть сектор уже заметен в масштабах мировой экономики, но при этом сохраняет значительный запас для дальнейшего расширения, особенно в сегменте решений для бизнеса.

Рост сопутствуется изменением качества: у 85 крупнейших публичных компаний в этой сфере средняя рентабельность по показателю EBITDA за период 2024–2025 годов увеличилась примерно на четыре процентных пункта и достигла 20%, доля прибыльных компаний выросла с 68 до 74%. В отличие от перегретого периода начала десятилетия, нынешний подъем опирается прежде всего на изменение операционных моделей и дисциплину расходов, а не на избыток дешевого капитала.

Отраслевую структуру выручки определяют платежные решения, которые остаются крупнейшим направлением, тогда как наиболее быстрый прирост дают сервисы для торговли финансовыми и цифровыми активами, а также депозитные продукты, где темпы увеличения выручки оцениваются примерно в 38 и 30% за год. Страхование, кредитование и технологическая инфраструктура финансовых рынков растут умереннее, но набирают критический масштаб и закрепляют присутствие компаний этого типа на всех этапах финансовых цепочек — от платежных операций до инвестиционных и регуляторных сервисов.

Региональная динамика неоднородна. Азиатско-Тихоокеанский регион демонстрирует наибольший темп прироста, близкий к 25% в 2025 году, чему способствуют цифровые банки и площадки для торговли криптоактивами в Японии, Южной Корее, странах Юго-Восточной Азии. Европа несколько опережает средний мировой уровень (24%) за счет расширения продуктовых линеек цифровых банков и поддержки инноваций со стороны регуляторов, тогда как Латинская Америка показывает около 15%, но с 2021 года сохраняет наивысший среднегодовой рост выручки (порядка 44%).

Инвестиционная активность принимает более избирательный характер. В 2025 году объем вложений в капитал компаний в сфере финансовых технологий вырос на 53% и достиг 58 млрд долларов, однако значительная часть средств сосредоточилась в сегменте торговых и инвестиционных решений, а также у игроков в Северной и Южной Америке и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Число первичных размещений акций увеличилось с 28 до 42, но совокупная доходность акций крупнейших размещений последних лет остается ниже, чем у широкого финансового сектора, примерно на 24% пункта в год, что свидетельствует о сохраняющейся осторожности инвесторов.

Заметная часть доклада посвящена влиянию финансовых технологий на финансовую включенность. В Бразилии снижение доли населения без доступа к банковским услугам с примерно 30 до 10% связывается с распространением цифрового банка Nubank и национальной системы быстрых платежей Pix, которой уже через год с небольшим после запуска пользовались 67% совершеннолетних жителей. В Кении и на Филиппинах мобильные платежные системы M-PESA и GCash охватывают около 80 и 75% населения, а доля финансово исключенных групп за десятилетие уменьшилась с диапазона 50–70% до уровней порядка

10–20 процентов. Эти примеры показывают, как точечные инновации постепенно превращаются в массовую платежную инфраструктуру, встроенную в повседневные практики.

Искусственный интеллект становится центральной технологической темой. Наиболее убедительные эффекты наблюдаются в областях с высокой долей рутинной работы: разработка и тестирование программного кода, обработка документов, проверка клиентов и противодействие легализации доходов преступного происхождения, выполнение требований регуляторов, поддержка пользователей. По оценкам BCG, небольшие команды, перестроившие жизненный цикл разработки вокруг инструментов искусственного интеллекта, могут обеспечивать кратный рост скорости работы и снижение удельных затрат, тогда как простое добавление «умных помощников» поверх старых процессов дает лишь ограниченный эффект.

Особое внимание уделяется применению «агентов» искусственного интеллекта, которые не только формируют подсказки, но и инициируют действия в рамках заданных правил. Массовое применение таких решений пока ограничено сценариями с возможностью четко задать границы ответственности и сохранить человека в цепочке ключевых решений, что связано с юридическими рисками, необходимостью объяснимости и управлением доступом к счетам и данным. Пример компании CloudWalk показывает, что в крайнем случае значительную часть клиентской поддержки, инженерных задач и операций можно передать программным агентам, а людям оставить функции контроля и управления такой «цифровой рабочей силой».

Сегмент цифровых активов после спадов начала десятилетия вновь набирает вес. На него приходится примерно 15% выручки компаний в сфере финансовых технологий и около 23% венчурного финансирования в 2025 году; совокупная оценка рынка криптоактивов достигает 3 трлн долларов, стейблкоинов — 300 млрд, токенизированных реальных активов — 30 млрд. При этом устойчивые сценарии применения за пределами спекулятивной торговли пока немногочисленны, а масштабирование токенизации упирается в совместимость с традиционной финансовой инфраструктурой и требования регуляторов.

Регуляторные изменения описываются как сближение подходов к банкам и компаниям в сфере финансовых технологий, выполняющим сопоставимые функции. В США растет число заявок таких компаний на федеральные банковские и доверительные лицензии, что позволяет уменьшить зависимость от банков-партнеров и получить больший контроль над продуктами и экономикой. В Европейском союзе и Великобритании выстраиваются более ясные режимы лицензирования и доступа к платежной и клиринговой инфраструктуре, что облегчает развитие цифровых банков и платежных сервисов. На этом фоне регулирование искусственного интеллекта, цифровых активов и оборота данных существенно различается по юрисдикциям: одни страны вводят более строгие ограничения и фактически принуждают к локализации моделей и данных, другие сохраняют более мягкий подход и превращаются в площадки для экспериментов.

В совокупности доклад BCG предлагает рассматривать финтех как инфраструктурный слой, который переопределяет устройство финансовых рынков и повседневные практики управления деньгами. Ближайшая перспектива развития будет зависеть от того, насколько быстро участники смогут встроить искусственный интеллект в основу операционных

процессов, закрепиться в цепочках, ориентированных на бизнес-потребителей, и выстроить стабильные отношения с регуляторами и инвесторами в усложняющейся нормативной среде.

Материал Boston Consulting Group